

Язва

Едва ещё ощущаемый стрекот находящихся вне предмета моего наблюдения действий проходящих и стучающихся друг об друга и непосредственно о поверхность прочих предметностей почти уже оставил испуганный ясностью окружающего мира взор: я обратил своё спутанное внимание на дымку отходящей от магазина тени, и неприглядность эта заставила лишний раз остановиться на ней, ставя в неловкое перед пролетающими далёкой от меня скоростью незнакомцами положение: в такой ситуации я нахожусь не впервые, собственно, потому и был уволен именно сегодня: более сослуживцы не могли терпеть моего только условно невменяемого состояния, почему и донесли начальству: честно говоря, в этом их не виню вовсе, ибо конкретно сегодня я буквально препятствовал их работе, застыв в почти полностью неподвижном состоянии перед гардеробом, и страшное вовсе не в этом, ведь последние пару месяцев таким уже не удивить, однако теперича мне не удаётся выйти из этого состояния волевым усилием, отчего примерно три часа коллегам приходилось укладывать свою верхнюю одежду на находящиеся подле них лишние стулья, которые им велено было ещё позавчера вынести из офиса: в шутку я даже мог первые минуты после увольнения пошутить про мою героическую полезность, но теперь непривычным образом охладился: охладился я императивно появившимся отчаяньем, так нависшим надо мною во время этого блаженного рассматривания тени: думается, она чем-то похожа на меня: меня тоже нельзя пощупать, по крайней мере, коснуться ради какого-либо очевидного отклика, и для кого-то я почти не существую, как, кажется, и эта тень: её не коснуться, но в каком-то смысле она материальна: я не требую от окружающих детального и конкретного понимания моего существа, вполне удовлетворит и факт их признания меня существующим и в страшным образом отдалённой от быта абстракции; магазин выстлан вычурно рябщими на свету металлическими непрочными пластинами, и вроде я проходил мимо него на протяжении многих лет, но сейчас не можется мне определить, является ли он частью жилого дома или автономным зданием; впрочем, это не сильно волнует: давно неясность происходящего перестала дезориентировать, а о факте устрашения уже и мысли не ведётся: я привык, но это не значит, что мой взгляд хотя бы схож со взглядом близкого мне человека: он принципиально отличается, но его качество далеко не полностью противно, и за сим представить его ещё тяжелее: свистящим прозрачным пеплом осыпающиеся высокие пороги, тяжёлые двери и лучи из установленного над кассой фонарика худыми обликами тепло сопровождали меня до самого вопрошания кассирши насчёт моих пожеланий, столь, вероятно, размытых, что без помощи умеющего взаимодействовать с внешним миром человека я был бы совершенно

беспомощен, что кассирша, вроде, поняла, и еле приятным глухим резонансом в моей обособленной тишине прозвучал быстро остановившийся кашель.

— Что вы, а?

Кассирша была без малого уродлива, и замечание это не носит за собой негативной коннотации: без этого слова вряд ли можно было описать её внешность вне прочего лицемерия или молчаливой вежливости: она была именно уродлива, хотя я бы этого ей никогда не сказал: в текущем куда-то вбок лице её нельзя увидеть чего-либо, что в обществе принято называть правильным, и в том выделялась особая красота, в ней обнаружилась некоторая художественность, хотя люди такие зачастую глубоко несчастны, и подумалось мне с этим далеко не о её внешности: едва держащийся на просвечивающем холодные сосуды верхнем веке глаз цвета миндального масла всё более недоумённо меня разглядывал: тут я почувствовал некое родство с ней, но она слишком глупа или, может, просто не хочет моей дружбы: от неё пахло неторопливо свистящей смертью, которую нельзя учуять или обозначить без дополнительного осмысления, и в этом она честнее любых из проходящих мимо меня возле магазина людей.

— Яйца, — я не могу распыляться на неважные дела. Ну, так я подумал сразу после воспроизведения своими органами речи необходимого мне: теперь приходится нехотя сомневаться, рационально осознавая ложность этой идеи: сейчас, когда от меня не требуется совмещать недуг с формальными обязательствами хотя бы ближайшее время, излишний разговор мне уж точно не навредит. — Десять штук.

Но я решил ничего более не говорить: такую формулировку я сконструировал, кажется, тоже притворно: сомневаюсь, решил ли я в своей жизни что-нибудь самостоятельно. Даже недуг не являет собой чего-либо волевого: я его не желал, и может показаться обратное в рассмотрении отсутствия моей борьбы с ним, но здесь вновь нет ничего решительного: я не выбирал и не сопротивлялся: я вовсе не выбирал: я просто живу с тем, что горячей опухольюросло на моём существовании.

— Хотите молоко, а? Свежее.

— Нет, спасибо. Отчим часто поил меня молоком с пенкой, и теперь от него у меня отвращение.

— Ого, такое молоко, должно быть, не так легко у нас тут приобрести, а. Нужно ведь куда-то ехать за ним. Общем, сейчас схожу за яйцами. Мы их там в теньке держим, а.

Она удалилась за шторку. Странно видеть такие магазины в наше время: казалось, вокруг одни олигополисты, но кто-то и в таком давно обжитом районе умудряется сохранять релевантность не крупного дела: скорее всего, благодаря круглосуточной работе.

Я простоял около пяти часов, однако никто так и не вышел: спустя минуту с обещания женщины прозвучал звонкий крик и словно звук хруста позвонков, но тому я не придал значения, смирно продолжая ожидать: в это время мимо меня прошло множество потенциальных и не только покупателей, иногда спрашивающих, когда вернётся продавец: на это я ни разу так и не ответил, будучи увлечённым своей трещиной. Кто-то брал продукты и клал наличные деньги на кассу, а кто-то с разочарованным вздохом уходил: никто ничего не своровал, по крайней мере, я такого не смог заметить, и некто ижна уверенно оплатил через банковский терминал, самостоятельно с ним совладав без явных сложностей; я же почти не ощутил этого времени: трещина не заставила меня потерять дыхание настоящего, зато шевеление мошек мгновенно обращало на себя сосредоточение.

Забыв уже причину решения пойти домой и отказ от дальнейшего ожидания, я с трезвенной опьянённостью интуитивной логикой достиг порога своей квартиры, снял тонкую куртку и кинул её около кровати, после чего лёг на неё: я не вполне контролировал этот процесс, и справедливым будет заметить отсутствие моей власти вовсе, однако теперь я удивлён уже не тем, ведь подобное случалось со мною с пугающей частотностью; поразительно другое: укутавшись затхлостью воздуха в квартире на только кончике скомканного ближе к находящейся справа от меня стене покрывала, я ощутил невероятное: от лежания мне стало легче, хотя уже с месяц оно вынуждало меня лишь покрываться испариной и терпеть бессонные ночи и тщетно потраченные на попытку уснуть дневные часы: в пылкости от этого события я тут же вскочил и ослабленным бегом направился к ванной комнате, где впервые за долгое время включил свет, однако устремился я не к зеркалу сперва, а к оголённому отцу моему, беззвучно расположившемуся в узкой потёртой ванне и крепко обхватившему свои ноги: нельзя было не заметить мурашек на его рыхлой коже василькового цвета, но он не дрожал, мужественно втянув оставшуюся от щёк тонкую плоть и уверенно смотря на меня будто с обыденной скукой.

— Отец?

— Ты наконец-то назвал меня отцом, — произнёс он это с абсолютно неизменным тоном: появилась даже мимолётная мысль во мне, что я стал жертвой некоторой хитрости, ибо сам от себя подобного не ожидал, но ничего всё же не может меня разубедить: безусловно, он имеет внешность отчима, однако передо мной точно находится мой отец. Противное было бы попросту нелепым или неправильным, если стараться быть в выражениях более аккуратным. — Я рад. Я был здесь всегда. Просто ты никогда не включал в этой квартире свет. Это не преувеличение. Буквально никогда. Сейчас это происходит впервые. Но ты здесь не за этим. Посмотри на своё отражение в зеркале.

Было бы странно поступить так сейчас, но то ли я безоговорочно повиновался воле отца, то ли что-то внутри меня признавало это более важным. Я совершил два недлинных шага и повернул голову: в освещённой лишь тусклым тёплым светом комнате с преобладающим цветом тени лимона в бликах белой настенной плитки, испачканной чем-то ванны и стиральной машинки с оставшимися от наклеек липкими пятнами шея моя исказилась в пошатывающемся ошмётке свисающей сморщенной кожи: примерно треть моей шеи полностью отсутствовала, что не мешало мне и не ощущалось вовсе: именно область с кадыком предстала бескровной пустотой и торчащими кусочками плоти.

— Посмотри на кровать.

Более я не сомневался в повелении отца. Я взбодрённым, почти здоровым шагом переместился в комнату с кроватью: я уже не помнил, как включить здесь свет, отчего стал нащупывать скомканное одеяло, почувствовав вместо того нечто липкое, и отвращение словно стало для меня чуждым: ради рассмотрения я с интересом приблизился к этой гладкой и влажной материи: то было еле шевелящимся существом сантиметров с шестнадцать с одним только глазом смоляного цвета и едва ли очерченными своей формой конечностями: на теле я увидел множество тёплых нарывов внутри редких складок: я погрузил свой прохладный палец внутрь этого существа через один из приоткрывшихся гнойников: я родил его, но он куда величественнее.

Три месяца назад началась осень, и во время сезона этого всегда мне приходилось мириться с трескающейся на руках кожей, а при обезвоживании ещё и губы выделялись особой сухостью: смею предположить, стечение этих неприятных обстоятельств вылилось в сперва небольшую трещинку на коже кадыка, а после в полноценную глубокую рану, не стесняющуюся демонстрировать и щитовидный хрящ, однако это было только половиной проблемы: однажды оставив после ужина ананас на столе, я создал благоприятные условия для разрождения мошек, после даже сумев определить их вид: внешне они походили более всего на брадизий, хотя и питались очень неожиданно являющейся своему виду в роли еды материей: в то время я ещё позволял себе спать с открытой раной, отчего, непосредственно мою же плоть и поедая, в ней начали откладывать личинки, однако чувствовал я себя не так плохо: сами насекомые докучали исключительно слегка больным шевелением: можно подумать, что это могло щекотать, однако то была именно очень слабая боль, схожая скорее с дёрганьем мышцы, но мышцей такой выступал мой кадык, к которому они, видимо, очень привыкли: я пытался и забинтовывать рану, и заклеивать её изолентой, и в конце даже выжигать кислотой личинки, но никак мне в конечном счёте это не помогло: сначала я был лишён сна на целых десять дней, тем не менее потом сумев адаптироваться, просыпая порой и по три часа раз в два или три дня.